

Памяти Софии Левковской

Когда мы учились на соседних курсах в консерватории, Соня была одной из немногих, кто откликнулся на выход самиздатовского студенческого журнала «Заросли». Она принесла свои стихи. Когда появился журнал OPERA MUSICOLOGICA, и редколлегия отчаянно нуждалась в авторах, Соня была одной из первых, кто предложил нам свой текст. Ей все было интересно — всегда, до последних дней.

Мы преклоняемся перед ее мужеством и скорбим о том, что ее больше нет с нами.

Ольга Манулкина

20 июня 2011 года умерла София Левковская.

...Радостная, звонкая, легкая. Сам воздух вокруг нее наполнен улыбочивостью и светом. Юмор и талант, что называется, написаны на лице. Спина прямая, энергии через край. При этом — никакого панибратства: разговор простой, точный, по делу. Но говорить с ней весело и легко. Идеи бросает на ходу, и не поймешь — это еще в шутку или уже всерьез обдумывает? В пальцах длинная белая сигарета. Кажется, жизнь — вечный театр, игра...

Музыка — всегда с двойным дном. Внешне броское название, остроумное, многозначное. В основе сочинения всегда занятная идея — никогда не умствование, не «раздумье о судьбах», не чисто формальная задача, а неизменно театральная по природе выдумка. Но здесь же — и формальное строение, продуманное до деталей. И пропасть, из которой потягивает холодом...

Ее любимая героиня — Кармен (ну как же иначе!). Но только героиня ее собственной «Кармен», «перезагруженной», пущенной задом наперед. Так, чтобы нож выпал из руки Хозе, и Кармен спаслась и история пошла обратно, к древнему хаосу почти утробного пения, из которого того и гляди родится мир. Может быть, другой мир? В котором Кармен не убивают и убить не могут, просто потому что... потому что так в том мире не бывает... потому что не должно быть, и точка. (Да, я невольно воспроизвел здесь Сонину манеру писать письма с бесконечными многоточиями, за которыми — и вопрос, и жест... За напечатанными словами не только слышен голос — виден даже сигаретный дымок...)

Я запомнил почему-то два разговора. Хотя их было много. Но эти два мне дали нечто неожиданное. Один был несколько лет назад (еще до того, как мы стали регулярно видаться ради нашего «Свободного электрона» — еженедельной передачи на Радио России). Мы были тогда не более чем коллегами-ровесниками, «друзьями друзей». Однако встречи музыкантов в Прачечном переулке дело обычное: там пролегает путь из консерватории в Дом композиторов. Соня заговорила вдруг о том, что если не хлопотать, не устраивать ничего специально, желаемое все равно случается: «Помнишь притчу: сиди на берегу и жди, когда труп твоего врага проплывет мимо? Почему-то вдруг мне стали предлагать — здесь студентов, там работу... Ведь я же ничего не просила, они сами!» Помню, подумал: независимость плюс вечность в запасе — хорошая формула для хорошего сочинителя музыки. Спасибо, что сказала.

Второй разговор — наша последняя радиопередача, о Ю. А. Фалике. Я перечислял блестящие качества Юрия Александровича и вдруг вижу — Соня дает мне почти что ауфтакт — чтобы я сделал паузу и дал ей проговорить нечто важное. И она произносит: «И доброжелательный! Всегда неизменно доброжелательный!» ...Господи, что ж такое с нами, если это нужно отдельно подчеркивать? — но ведь нужно — она права, вот беда. И для Сони, я увидел, это важно донельзя. Сказать — всем — по радио: ребята, нельзя без этого! Музыка у всех разная, а без этого нельзя...

Я видел, как к ней относятся студенты. С легкой душой я мог отправить к ней необычного и талантливого. Другими не понятого. Поддержит, увидит самое лучшее. Профессиональная выправка, слитая с самоиронией: «Я как преподаватель анализа музыкальных форм не могу не заметить...» — и неизменная помощь.

Во всем, что Соня делала — музыка, беседы по радио, преподавание, статьи о ее любимом «инструментальном театре», — удивительная артистическая свобода. Да, почтение к учителям — но никаких шор, все дороги открыты. В сочинениях — стилевые переходы, остроумный монтаж, пластичная интонация. Умение, слушая чужую музыку, мгновенно схватить тонкую и странную деталь — без нот, ухом. Сколько раз я наблюдал это, причем в студии прямого эфира, а ведь, казалось бы, внимание там занято совсем другим — но нет, она профессионал!

В последние годы Соня знала, что ее ожидает. Держала выправку, улыбку. Махала сигареткой: «Ничего, я живучка», — ни о чем не спрашивай. Работала с невероятным напряжением. Ускоряя жизнь. Успевала к одному фестивалю, к другому, к следующему... «Музыкальная весна в Санкт-Петербурге», «Земля детей», «Звуковые пути», «От авангарда до наших дней», «Время музыки», «Сергей Осколков и его друзья», Международная неделя консерваторий.

Во время последнего ее концерта, в Капелле, ровно за месяц до ее ухода (это была та самая пьеса под названием «Ни о чем не спрашивай»), зал осветился вечерним солнцем и ее музыкой одновременно. Публика вздохнула и заулыбалась. Соне трудно было подняться на эстраду, но — кто это заметил?

Композитор София Левковская — бесконечно талантливая, добрая, светлая, молодая и красивая — останется для нас такой навсегда.

Музыка ее непременно будет звучать. И от времени только хорошееть.

Александр Харьковский